

Костер на русской традиционной свадьбе Ульяновского Поволжья

Михаил Гершенович Матлин

(Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова: Российская Федерация, 432071, г. Ульяновск, пл. Ленина, д. 4/5)

Аннотация. В статье рассматривается использование огня на русской традиционной свадьбе Ульяновского Поволжья в контексте общерусской и частично общеславянской традиции. Отмечается, что осмысление этого обрядового акта — зажигание костра на свадьбе началось еще в конце XIX в. и продолжается вплоть до сегодняшнего дня. Широкое распространение эта традиция получила и на территории Ульяновской области. Анализ записей позволил построить типологию свадебных костров в зависимости от времени и места их проведения: костер разжигали на первый день после венчания; ночью под окнами дома, в котором ночевали молодые; утром под окнами дома; днем перед домом молодой. Определены функции этого обрядового действия, прежде всего осознаваемые самими носителями традиции: мотивационная, информационная, церемониальная, театрально-игровая, ритуально-магическая. Выявлена семантика огня в отдельных свадебных актах и отмечено, что это прежде всего сексуальная семантика. Указывается, что зажигание свадебного костра в основном связано с ритуалом бужения молодых и обрядом «Поиски ярки», причем в некоторых вариантах они представляют собой одно сложное действие. В целом на территории Ульяновской области зажигание костра было активным и продуктивным в течение всего XX в. Нестандартно об этой традиции как о живой рассказывали информанты, родившиеся на рубеже XIX–XX вв., в 1920–1930-е и даже в 1940–1950-е гг., а последнее свидетельство о костре на свадьбе относится к 2003 г.

Ключевые слова: русская народная свадьба, костер, обряд, смех, семантика, прагматика, типология.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, номер проекта 34.6993.2017/БЧ.

Дата поступления статьи: 27 июня 2019 г.

Дата публикации: 25 ноября 2020 г.

Для цитирования: Матлин М. Г. Костер на русской традиционной свадьбе Ульяновского Поволжья // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 4. С. 103–111.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2020.21.4.008>

Огонь, являясь одной «из основных стихий мироздания (наряду с водой, землей и воздухом)» [Белова, Узенёва 2004, 513], играл важную роль в традиционной культуре. Обряды, словесные и словесно-музыкальные жанры, магические практики в той или иной форме и функции вклю-

чали его в свою структуру [Там же]. Значимо было использование огня и в традиционной свадьбе славянских народов. Одним из первых на это указал еще Н. Ф. Сумцов: «В свадьбах костер имеет значение очистительное и предохранительное от колдовства. Освящая молодых, он препятствует

действию на них наговоров злых людей. Очистительное значение огня сказывается во многих индоевропейских народных рассказах и обрядах» [Сумцов 1881, 91]. Он же обозначил наиболее характерные действия с огнем на свадьбе славянских народов: через костер перепрыгивают или перешагивают, а в случае редуцирования ритуала «ограничиваются только зажжением одного или нескольких костров во время бракосочетания» [Там же, 92]. Такие костры, отмечал ученый, зафиксированы «в губ. Курской, Костромской, Олонецкой, Минской и во многих других», а зажигать их иногда могли «отец или мать жениха» [Там же]. Н.Ф. Сумцов отметил, что обрядовое употребление огня — «сожигание костров и прыгание через них» характерно и для календарных обрядов. Они встречаются, в частности, «в Болгарии в воскресенье перед великим постом, в Саратов. губ. накануне нового года, в Костромской на масляной неделе, во многих местах В. и М. России накануне Ивана Купала, в В. России на Благовещение» [Там же].

Е.Г. Кагаров также считал, что определяющими для свадьбы являются предохранительная и очистительная функции огня. «Очищение посредством огня — часто находит себе применение в свадебных обрядах: огонь, согласно первобытному мировоззрению, магическое катартическое средство», а так как в свадьбе невеста, как полагал ученый, вступает «под защиту нового культа», следовательно, она «должна очиститься от влияния всех сил, враждебных этому культу» [Кагаров 1929, 189]. Он же расширил сведения о бытовании данного свадебного ритуала в русской и украинской свадьбе. «После венчания свадебный поезд переезжает через костер из соломы (Жив. Стар., 1916, 258, Красноярск. РГО, II, 6, р. 112; Зел. I, 315, II, 659, 661, 690, Zelenin, 309 и др., Мат. 130). Поезд жениха едет через зажженные костры (Мат. 89). На Украине новобрачных перевозят через зажженный сноп соломы, что называется “молоду підсмалювать” (Литв. 143). В Кубанской и Терской областях наблюдаются те же обряды перепрыгивания или переезда через костер (Чурсин, 128)» [Там же].

Важные особенности функционирования огня в традиционной свадьбе славянских народов отмечены в статье «Огонь» в словаре «Славянские древности».

В частности, в ней говорится, что «обрядовые действия с О. связывались с инициацией новобрачных, должны были обеспечить рождение потомства у молодых и предохранить их от злых сил», поэтому «в ритуалах брачной ночи О. наделялся фаллической и оплодотворяющей символикой: через костер перепрыгивали все присутствовавшие женщины, жених, свекор, свекровь; женщинам подсовывали под полы одежды горящие головни, у костра клали решето с брачной рубашкой невесты, в О. сжигали кур, поджигали платок свекрови и шапку свекра» [Белова, Узенёва 2004, 518].

На сегодняшней день известно о достаточно широком использовании огня в традиционной свадьбе русских и других славянских народов.

Так, например, «...в Волын. Полесье при подъезде к дому жениха в воротах раскладывали костер или зажигали пук соломы: новобрачная должна была переступить через О. в подтверждение своей целомудренности. Зажигание О. во время или после брачной ночи известно южным (Болгария, Македония) и отчасти восточным славянам» [Там же, 517]. А.В. Гура дополняет эти сведения, отмечая, что «у словаков Текова утром после брачной ночи устраивали также символическое сжигание холостяцкой постели: поджигали перед домом вязанку соломы, вокруг огня устраивали танцы под музыку, парни переодевались в драные женские юбки и с визгом скакали через огонь (р-н Жьюра-над-Гроном). Сжигание соломы (кубку) в конце свадьбы известно также у восточных словаков. У украинцев Черкасской обл. поджигали солому, которую приносили молотить в дом родителей молодых, и судили сторожа за недосмотр (Каневский р-н, Яблунув). У южнорусских переселенцев в Тюменской обл. *гасили свадьбу*: поджигали положенную в корыто солому и возили с песнями по деревне. У русских на Дону поджигали, а потом заливали овин» [Гура 2012, 538–539]. Зафиксировано бужение молодых при помощи огня в Вятской губернии, когда дружка поджигал «навешанную на себя солому и топтал ее ногами», а в Нижегородской области их будили, используя горящий веник [Там же, 528]. Костры были обязательным элементом свадебного ритуала в некоторых

населенных пунктах Костромской губернии. Так как свадьбы играли в вечернее время, то на них возжигались «факелы — пучки из соломы, крайне опасные для селения, но так дорогие для свадебников, особенно играющих свадьбу “на отлику”, что они, ради только такого освещения пути новобрачных, стараются венчать их позднее» [Р. Н. 1900, 258]. Сохранилась на данной территории традиция жечь костры, когда ехал свадебный поезд, и в советский период [Традиционные обряды 1985, 240]. Зажигали огонь и на свадьбах в Бузулукском уезде Самарской губернии. «А другой день, ни свет ни заря, в дом молодых собираются уже все сродники и знакомые, тогда дружка и сваха идут “подымать молодых”. Когда молодые входят, то дружка подает молодому клочок зажженной кудели, которую молодой (что, конечно, не всегда бывает: в ином случае ему ничего и не подают) бросает от себя говоря: “пожар”, тут все присутствующие хватают всякую посуду и бьют об пол. Для этого заранее покупается на базаре плохая посуда, а что получше — прячут» [Михеева 1899, 156]. На Дону в XIX в. также было принято, завершая свадьбу, разжигать костер. Делать это могли двояким способом. Во-первых, «один из гостей забирается с ведром в руках на крышу дома и всю заключающуюся в нем воду с криком: “Батюшки, сват горит!” — выливает в трубу». Называлось это действие «заливанием трубы». Во-вторых, все гости могли приносить «по охалке соломы или камышу и, наложивши из него во дворе костер, зажигают, а потом, с теми же возгласами, заливают его» [Донская свадьба 2019, 115].

В с. Иваново Алатырского уезда (до революции входило в состав Симбирской губ.), «когда будили новобрачных, было принято возле их дома разводить огонь — устраивать зарево молодых» [Зорин 1981, 118].

Широкое распространение эта традиция получила и на территории Ульяновской области. Записи рассказов-воспоминаний о русской традиционной свадьбе XX в., хранящиеся в архиве Научно-образовательного центра «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья им. И. Н. Ульянова

(Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова), свидетельствуют, что она бытовала на территории 12 районов из 21 в 65 населенных пунктах.

Анализ этих данных позволяет построить типологию свадебных костров в зависимости от времени и места их проведения.

1. Костер разжигали на первый день после венчания

1.1. Костер разжигали, когда новобрачные ехали из церкви в дом к родителям молодого

«Затем молодые едут венчаться в церковь. По дороге из церкви до дома бегут ряженые и зажигают наставленные снопы. Но только зимой, а летом страшно — загорится что-нибудь» (Зап. от Клавдии Петровны Мухи, Евдокии Ивановны Усовой, обе 1913 г.р., с. Тушна, Сенгилеевский р-н¹. Соб. В. И. Туганова. 1984 г.) [ФА НОЦ. Ф. 14. Оп. 5].

1.2. Костер разжигали, когда горные (родственники невесты) идут в дом жениха на свадебный пир

«<Соб.: Снопы жгли на первый или на второй день?> На первый, когда горные идут. Жгут и горные приходят. Соломута принесут и жгут. Это зимой, а летом — нет» (Зап. от Лидии Федоровны Левановой, 1918 г.р., с. Сара, Сурский р-н. Соб. Ю. Пыркина. 2000 г.) [ФА НОЦ. Ф. 17. Оп. 5].

1.3. Костер разжигали вечером на первый день во время горного

«А после церкви все гулять поехали к жениху. Со стороны жениха клали на поклон молодым. А вечером около дома зажигали костер» (Зап. от Татьяны Михайловны Беловой, 1916 г.р., с. Бестужевка, Кузоватовский р-н. Соб. Н. В. Бичурова. 1994 г.) [ФА НОЦ. Ф. 6. Оп. 5].

2. Костер разжигали ночью под окнами дома, в котором ночевали молодые

«Перед окном, молодые только уснут, сноп соломы зажгут.

— Горите!

— Где горит?

— Пред окном!

— Что горит?!» (Зап. от Дарьи Федоровны Сукопиной, 1907 г.р., с. Ждамирово, Сурский р-н. Соб. М. Г. Матлин. 1981 г.) [ФА НОЦ. Ф. 17. Оп. 5].

³ Все приведенные в статье примеры из полевых записей относятся к Ульяновской области.

3. Костер зажигали утром под окнами дома, в котором ночуют молодые

3.1. Зажигали ряженые

«Второй день начинался с поиска ярки. Ряженые (рядятся как угодно, но обязательно должен быть пастух с кнутом, цыганка, пожарник) начинают с того, что жгут возле дома, где ночевали молодые, костры. Этим они будят молодых мужа и жену» (Зап. от Надежды Владимировны Патяевой, 1954 г.р., с. Вешкайма, Вешкаймский р-н. Соб. Т. А. Ионова. 1996 г.) [ФА НОЦ. Ф. 3. Оп. 5].

«Ярку утром искали. Утром и костры жгли. Нет, не ночью, а утром. Наряжались: врач, пастух, собака, крестьянки в лаптях, цыганки кур воровали» (Зап. от Любви Петровны Гришиной, 1924 г.р., с. Старое Томышево, Новоспасский р-н. Соб. Т. Козлова. 1994 г.) [ФА НОЦ. Ф. 10. Оп. 5].

3.2. Зажигали не ряженые

«Пойдут свахи, собьются будить молодых. Солому жгли под окнами» (Зап. от Анны Сергеевны Фадеевой, 1914 г.р., с. Араповка, Сурский р-н. Соб. А. Баранов. 1981 г.) [ФА НОЦ. Ф. 17. Оп. 5].

«Соседи солому зажгли и стучатся, кричат: "Горим! Вставайте!"» (Зап. от Галины Григорьевны Ефимовой, 1935 г.р., р.п. Базарный Сызган, Базарносызганский р-н. Соб. Е. Л. Балясникова. 1992 г.) [ФА НОЦ. Ф. 30. Оп. 5].

«У дома жениха их (ряженных. — М. М.) встречали хозяева и гости жениха, они жгли солому, имитировали процесс работы: пряли, ткали, вязали чулки» (Зап. от Натальи Владимировны Иргизовой, 1894 г.р., Дарьи Ивановны Басаловой, 1896 г.р., Анисьи Федоровны Петровой, 1914 г.р., с. Ясачный Сызган, Базарносызганский р-н. Соб. С. Борисова. 1980 г.) [ФА НОЦ. Ф. 30. Оп. 5].

3.3. Без указания того, кто зажигает

«После первой ночи молодых будили. Зажигали солому под окнами, кричали: "Пожар!"» (Зап. от Агафьи Павловны Филиной, 1898 г.р., с. Зимницы, Сурский р-н. Соб. М. Г. Матлин. 1981 г.) [ФА НОЦ. Ф. 17. Оп. 5].

«Молодых сначала будили: костры жгли. Веники околь избы расставят и подожгут. А после орут: "Пожар!" Веники банные ставили» (Зап. от Марии Яковлевны Платоновой, 1909 г.р., с. Акшуат, Барышский р-н. Соб. Е. А. Хардова. 1991 г.) [ФА НОЦ. Ф. 2. Оп. 5].

3.4. Без упоминания бужения

Утром 2-го дня «перед домом жениха разжигают большой костер и кричат: "Пожар, пожар! Горит пожар! Всю ночь горел пожар!" Родственники невесты прыгают через костер. Кто посмелее, тот кувыркается в огне. А кто загорится, того водой обливают или кнутом бьют» (Зап. от Марии Никаноровны Судаковой, 1915 г.р., с. Пановка, Инзенский р-н. Соб. С. А. Симанова. 1980 г.) [ФА НОЦ. Ф. 4. Оп. 5].

4. Костер разжигали днем перед домом молодой

«У невесты у двора зажигают соломы кучу. Принясут козлы, начинают дрова пилить, дрова положат, колют. Их (ряженных со стороны жениха. — М. М.) встречают — зачем? Мы вишь работаем, у нас никакой свадьбы нет и ничего нету. Вот так вот встречали. <...> По няму плясали. Швыркали. Стали плясать — весь расшвыркали, весь эту кучу огонь ногами» (Зап. от Зинаиды Тимофеевны Желудковой, 1917 г.р., с. Араповка, Сурский р-н. Соб. И. А. Морозов. 2000 г.) [ЛИА МИА].

«У двора невесты — костер, в цепи молотят по горящей соломе, и говорят: "Куда вы прете?! Мы работаем!" Расшвыркают весь костер да в избу идут» (Зап. от Анны Федоровны Платоновой, 1898 г.р., с. Араповка, Вешкаймский р-н. Соб. М. П. Чередникова. 1978 г.) [ФА НОЦ. Ф. 3. Оп. 5].

«Второй день свадьбы. В доме невесты, когда гости идут к дому невесты, вдоль всей улицы ставились колодки (колодки — сноп после обмола), штук 20 или 30, и поджигались. Гости идут, валят эти колодки и на них пляшут» (Зап. от Екатерины Андреевны Казаковой, 1900 г.р., с. Араповка, Вешкаймский р-н. Соб. М. П. Чередникова. 1978 г.) [ФА НОЦ. Ф. 3. Оп. 5].

Анализируемые записи также предполагают возможность установить функции этого обрядового действия, прежде всего те, которые осознавались и определялись самими носителями традиции. В целом можно выделить 5 основных функций, хотя речь в данном случае идет именно об основной, доминантной функции, тогда как большинство конкретных актов обладали явной полифункциональностью, которую, кстати, также отмечали и рассказчики.

1. Мотивационная функция

1.1. Пробудить молодых (смеховая)

«<Соб.: Что на второй день делали?> *Плясали, шутили, наряжались. Костры жгли по дорогам. Накладут солому.* <Соб.: С утра дико ночью?> *С утра. Рано-рано. И говорят: “У Светловых нынче пожар. Айдайте тушить. Пожар! Пожар!” Шутили — молодых будили»* (Зап. от Нины Васильевны Савиновой, 1932 г.р., Александры Васильевны Дёмниной, 1937 г.р., с. Малая Хомутерь, Вешкаймский р-н. Соб. О. Аблаева, И. Павлов. 1999 г.) [ФА НОЦ. Ф. 3. Оп. 5].

«*На утро бьют горшки, если невеста честная. Второй день свадьбы называется у нас в селе складчина, тащат все сватья. Наряжаются. Молодых будили ряженые: “Вставайте! Пожар уж прогорел, а вы все спите!”*» (Зап. от М. Ф. Корсаковой, 1908 г.р., р.п. Павловка, Павловский р-н. Соб. Сыражова. 1979 г.) [ФА НОЦ. Ф. 12. Оп. 5].

«*Когда пришли от невесты, сразу в дом не стали заходить, а пошли под окно, где молодые спали и давай кричать: “Пожар! Пожар!”, да будить молодых, а чтобы правдивее было, зажгли веник»* (Зап. от Екатерины Михайловны Ефремовой, 1933 г.р., с. Тумкино, Теренгульский р-н. Соб. О. А. Исаева. 1995 г.) [ФА НОЦ. Ф. 18. Оп. 5].

1.2. Вызвать всех из дома (смеховая)

«*Наряженные подходят к дому, где спрятана невеста, и разжигают костер, кричат: “Пожар! Пожар! Дом горит”. Так они вызывают из дома всех. Из дома выходят люди»* (Зап. от Марии Михайловны Плаксиной, 1904 г.р., с. Бутырки, Вешкаймский р-н. Соб. М. Ю. Жидяева. 1987 г.) [ФА НОЦ. Ф. 3. Оп. 5].

1.3. Опохмелиться (прагматическая)

«*Ночью нам не давали спать-то, пришли нас будить. Мы не успели уснуть, начали около дома костер жечь, солому, кричат: “Горите! Горите!” Потом свекровь-то встала: “Батюшки! Что за шум?” Выходит на улицу, там мужики, они ведь пить хотят. Они там жгут солому. Втерлись в избу-то, к нам в спальню идут: “А-а-а, давайте вставайте!” Ну вот мамаша поставила им целую четверть самогонки, они слопали и ушли. Вот и спали до утра»* (Зап. от Татьяны Григорьевны Волковой, 1939 г.р., с. Сухаревка, Майнский р-н. Соб. Ю. Н. Орлова. 1999 г.) [ФА НОЦ. Ф. 7. Оп. 5].

2. Информационная функция

2.1. Информировать о свадьбе

«*На горном пиру жгли большие костры на дворе жениха. Их делали очень большими, чтобы все, кто проезжал мимо или проходил, знали, что в этом доме сегодня свадьба»* (Зап. от Анны Ивановны Соколовой, 1914 г.р., п. Безречный, Майнский р-н. Соб. Л. В. Ворсина. 1994 г.) [ФА НОЦ. Ф. 7. Оп. 5].

2.2. Информировать о совершении дефлорации

«*У невестиного дома костры. Эта вроде как девственность она потеряла. Всё эта пожар был, всё эта к этому складывается»* (Зап. от Веры Васильевны Феединой, 1940 г.р., с. Барышская Слобода, Сурский р-н. Соб. Ю. А. Пыркина. 2000 г.) [ФА НОЦ. Ф. 17. Оп. 5].

«<Соб.: Как ярко искали?> *Ночью встают и ярко ищут. У двора у невестиного зажигают костер.* <Соб.: Зачем?> *А я знаю, зачем? <Соб.: Кто зажигает?> Кто гуляет. Нарядют человек пять, пятеро пойдут с гармошкой и идут жениховы, зажигают костер.* <Соб.: Так разве ночью искали ярко?> *Утром рано. Кто и ночью. Вот у меня ночью пришли, зажгли солому.* <Соб.: А зачем это делали?> *Как сказать? Ну, порусски это как выразить-то? Ну, значит, была честная девчонка — стала бабой. Горит всё. Пожар. Горит всё кругом. Значит, у них там всё горит»* (Зап. от Нины Тимофеевны Локтевой, 1927 г.р., с. Водорацк, Барышский р-н. Соб. Ю. А. Пыркина. 1998 г.) [ФА НОЦ. Ф. 2. Оп. 5].

3. Церемониальная функция

3.1. Приветствовать гостей

«*Идут к жениху моя родня, невесты родня, идут, на горной пошли, у двора жгли солому. Выносили соломы много и зажигали. Гости идут, гостей встречать. До тех пор горит солома, пока все пройдут»* (Зап. от Валентины Михайловны Мясниковой, 1916 г.р., с. Большая Кандарать, Карсунский р-н. Соб. М. П. Чередникова. 2006 г.) [ФА НОЦ. Ф. 5. Оп. 5].

3.2. Приветствовать молодых

«*После похмелья гости отправляются в дом невесты. Молодых встречали пальбой из ружей, вдоль дороги ставили снопочки и зажигали их»* (Зап. от Елизаветы Александровны Бокуновой, 1915 г.р., с. Полянки, Сурский р-н. Соб. С. А. Симанова. 1981 г.) [ФА НОЦ. Ф. 17. Оп. 5].

4. Театрально-игровая функция

4.1. Игровая

«<Соб.: А для чего костры жгут?> Все вскочут, ну, **для озорства** вроде» (Зап. от Галины Николаевны Агафоновой, 1939 г.р., с. Водораец, Барышский р-н. Соб. А. Ю. Цухлов. 1998 г.) [ФА НОЦ. Ф. 2. Оп. 5].

4.2. Театральная

«Во дворе жениха устраивалось **целое представление**. Цыгане ворожили, пастух слонялся по двору. Всех гостей угощали самогоном (похмеляются). У жениха тоже рядились (обязательно пастух). Затем все вместе шли праздновать к невесте. Перед входом молодых сваха была горшок о порог, а в корчаге жгли полено» (Зап. от Анастасии Николаевны Краснорыловой, 1903 г.р., с. Полянки, Сурский р-н. Соб. С. А. Симанова, С. А. Борисова. 1981 г.) [ФА НОЦ. Ф. 17. Оп. 5].

«<Соб.: А утром молодых будить приходили?> Да. <Соб.: А кто приходил?> С жениховой стороны. Там костер разводят где-то в часа три. <Соб.: А почему так?> «Погорели!» — кричат. На утро там собираются, у жениха-то, **“погоревшим вот надо собирать, погорели мы”**» (Зап. от Зинаиды Григорьевны Дорофеевой, 1946 г.р., с. Старые Савадерки, Барышский р-н. Соб. О. Н. Степанец, Е. В. Сафонов. 1999 г.) [ФА НОЦ. Ф. 2. Оп. 5].

«У невесты у двора зажигают соломы кучу. Принясут козлы, начинают дрова пилить, дрова положат, колют. Их (ряженных со стороны жениха. — М. М.) встречают — **зачем? Мы вишь работам, у нас никакой свадьбы нет и ничего нету. Вот так вот встречали.** <...> По няму плясали. Швыркали. Стали плясать — весь расшвыркали, весь эту кучу огонь ногами» (Зап. от Зинаиды Тимофеевны Желудковой, 1917 г.р., с. Араповка, Сурский р-н. Соб. И. А. Морозов. 2000 г.) [ЛА МИА].

5. Ритуально-магическая функция

«Когда уже идет горной, то у двора жгут обмолотки. Через этот небольшой огонь **молодым надо перешагнуть, но непременно вместе**» (Зап. от Прасковьи Ивановны Гавриловой, 1898 г.р., с. Каргино, Вешкаймский р-н. Соб. М. П. Чередникова. 1978 г.) [ФА НОЦ. Ф. 3. Оп. 5].

«Ну, ночью молодые спят, товарищидрузья, там дружка, если не очень старый, если не поленится, там двое или трое

человек идут под окошки, раскладывают солому, хворост и зажигают, чтобы молодым светло было, **чтоб дети слепые не родились**» (Зап. от Н. А. Осташкиной, 1956 г.р., п. Лесная Дача, Барышский р-н. Соб. Т. Е. Вершинина. 1997 г.) [ФА НОЦ. Ф. 2. Оп. 5].

Анализ записей также позволяет определить семантику актов и предметов в функционировании костра на свадьбе.

И как свидетельствует материал, это прежде всего сексуальная семантика. Она особенно явно проявляется в связи огня, пожара с актом дефлорации. Такую связь устанавливают сами носители традиции: «Где невеста ночует, там и жгут <костёр>. У меня вот брат женился, а они ночевали не у нас, а мы с дурилой пошли да и разожгли костёр у двора-та, да в окошку загрохали: “Горите!” Мама старенька как вскочила, 80 лет, с печи-ти слетела: “Манька, горим! Караул! Караул, горим!” (Смеется.) Они, значит, выбягли: “Да что вы сделали! Да они у тёти Сани вон ночуют!” Мы туды — и там костёр разожгли. И там организовали грох, грох. “Горите! Горите!” И там эдак же перепалохали всех. **Целку ломает, потому и горит**» (Зап. от Анны Васильевны Блохинцевой, 1929 г.р., Николая Владимировича Блохинцева, 1924 г.р., с. Ждамирово, Сурский р-н. Соб. И. С. Слепцова. 2000 г.) [ЛА СИС].

Уподобление в данном случае акта коитуса огню, пожару представляется не случайным. Как отметил В. И. Зызыкин в работе «О природе смеха», ссылаясь в качестве доказательства на сборник сказок А. Н. Афанасьева [Афанасьев 1997, 387, 76, 75, 139], «...совокупляться — это “жарить”, “нажаривать”, “зажаривать”, “отжаривать”, то есть “обрабатывать огнем”. Нигде в фольклоре (или литературе) мы не встречаем столько метафор огня, как в образах полового акта» [Зызыкин 2007, 193].

Как показывает проведенный анализ, в свадебной традиции, зафиксированной на территории Ульяновской области, предохранительная и очистительная функции использования огня не артикулировалась самими носителями традиции, хотя действия, реализующие ее, сохранялись в некоторых населенных пунктах вплоть до 70-х гг. XX в. Но встреча молодых или гостей свадьбы, зажигание костров воспринимались как яркий, церемониальный и праздничный акт,

который, как свидетельствует описание традиции Костромской губернии, могла именно так осмыслиться уже в конце XIX в. [Р. Н. 1900, 258].

Приведенный материал также свидетельствует, что зажигание свадебного костра в основном связано с ритуалом бужения молодых и обрядом «Поиски ярки», причем в некоторых вариантах они представляют собой одно сложное действие. Однако для русской свадебной традиции, в том числе и на территории Ульяновской области, характерно как раз их раздельное существование и не имевшее связи с огнем. Во-первых, бужение молодых осуществляли только те, кто отводил их на брачную постель (это могли быть как представители одного рода, так и двух, как только мужчины или только женщины, так те и другие одновременно). Во-вторых, в подавляющем большинстве записей обряда «Поиски ярки» отсутствует информация как о зажигании костра его участниками, так и о бужении ими молодых. В-третьих, зажигать костер могли не ряженые, а представители рода жениха, так как это входило в комплекс театрально-игровых действий, призванных «помешать» ряженым проникнуть в их дом, чтобы найти пропавшую «ярку» (невесту). Таким образом, связь бужения молодых ряжеными и зажигания костра представляется вторичным образованием, не обусловленным семантикой данного обряда. Подтверждением этого предположения может служить описание традиции также конца XIX в. (Бузулукский уезд Самарской губ.), в котором отмечено, что бужение молодых связано с зажиганием огня, но осуществлялось оно дружкой и свахой, и это был не костер под окнами дома, а «клок зажженной кудели, которую молодой (что, конечно, не всегда бывает: в ином случае ему ничего и не подают) бросает от себя говоря: “пожар”» [Михеева 1899, 156]. Так что, скорее всего, бужение и зажигание огня постепенно входило

в обряд «Поиски ярки» в процессе его развития. При этом пространство данного обряда, в котором смеховое театрально-игровое начало является определяющим, привело к тому, что смех стал доминантой и в действиях с огнем. Особенно ярко это проявилось в том варианте, в котором имитация трудового процесса разыгрывалась через «молотьбу» костра.

Особый интерес представляет так называемый «ночной костер». Как известно, первая брачная ночь как отдельный свадебный ритуал включала в себя в качестве центрального акта дефлорацию и оформлялась как сакральное и тайное событие, требующее особых ритуально-магических действий. Поэтому было принципиально невозможным нахождение в помещении, в котором она проходила (подклет, конюшня, баня и пр.), посторонних. А те записи, в которых говорится об этом, освещают свадебный обряд 1950–1960-х гг., когда уже считалось допустимым вторжение чужих в сакральное пространство брачной ночи, но еще не связывалось с ряжеными из обряда «Поиски ярки». *«В понедельник, часа в 3–4 утра, у дома жениха разводят костры и кричат: “Пожар! Пожар!” Стучатся в дверь человек шесть. Их угощают. Затем в восемь уже ряженые идут ярку искать (невесту)»* (Зап. от Надежды Ивановны Милоткиной, 1937 г.р., р. п. Кузоватово, Кузоватовский р-н. Соб. Н. В. Бичурова. 1995 г.) [ФА НОЦ. Ф. 6. Оп. 5].

Отмеченное сложное и многообразное функционирование свадебного костра в русском традиционном свадебном обряде на территории Ульяновской области свидетельствует о его активном и продуктивном бытовании в течение XX в. Неслучайно об этой традиции как о живой рассказывали информанты, родившиеся на рубеже XIX–XX вв., в 1920–1930-е и даже в 1940–1950-е гг., а последнее свидетельство о костре на свадьбе относится к 2003 г.

Источники и материалы

Афанасьев 1997 — *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым, 1857–1862 / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и др. М.: Ладомир, 1997. (Русская потаенная литература)

Донская свадьба — Донская свадьба. Вып. 1. Материалы архивов и публикации XIX века /

Сост., авт. коммент. и прим. М. А. Рыблова, А. В. Когитина. Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления — филиала РАН-ХиГС, 2019.

Кагаров 1929 — *Кагаров Е. Г.* Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник Музея антропологии и этнографии / Ред. Е. Ф. Карский. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 152–195.

ЛА МИА — Личный архив И. А. Морозова.
ЛА СИС — Личный архив И. С. Слепцовой.
Михеева 1899 — *Михеева В.* Описание свадебных обычаев и обрядов в Бузулукском уезде Самарской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. Кн. 3. С. 144–159.

Р. Н. — *Р.Н.* Свадебные обычаи крестьян Костромской губернии // Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1900. С. 244–260. (Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. XVIII).

Сумцов 1881 — *Сумцов Н. Ф.* О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков: Тип. И. В. Попова, 1881.

Традиционные обряды 1985 — Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г. Г. Шаповалова и Л. С. Лаврентьева; Под ред. Б. Н. Путилова. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985.

ФА НОЦ — Фольклорный архив научно-образовательного центра «Традиционная куль-

тура и фольклор Ульяновского Поволжья» им. Д. Н. Садовникова УлГПУ; Фольклорный архив кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета.

Исследования

Белова, Узенёва 2004 — *Белова О. В., Узенёва Е. С.* Огонь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 513–519.

Гура 2012 — *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012.

Зазыкин 2007 — *Зазыкин В. И.* О природе смеха: По материалам русского эротического фольклора. М.: Ладомир, 2007.

Зорин 1981 — *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981.

© М. Г. Матлин, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Матлин М. Г. <https://orcid.org/0000-0003-0748-1081>

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова: Российская Федерация, 432700, г. Ульяновск, пл. Ленина, д. 4/5; тел.: +7 (8422) 44-19-09; e-mail: matlin@mail.ru

Fire in Traditional Russian Weddings in the Ulyanovsk Volga Region

Mikhail G. Matlin

(I. N. Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University:
4/5, Lenin square, Ulyanovsk, 432071, Russian Federation)

Summary. *This article considers the ritual use of fire in traditional Russian weddings in the Ulyanovsk Volga Region, seen in the context of the broader Russian and, in part, the Slavic tradition. This ritual act — the lighting of a bonfire at a wedding — began at the end of the nineteenth century and continues today. This tradition is widespread in the Ulyanovsk Region. Analysis of records has allowed the author to build a typology of wedding fires depending on the time and place of their occurrence. Fire might be kindled on the first day after the wedding, at night under the windows of the house in which the young spent the night; in the morning under the windows of the house; in the afternoon in front of the house of the young wife. The many functions of this ritual action are: motivational, informational, ceremonial, theatrical and play, ritual and magic. The author analyzes the semantics of fire in particular wedding acts; it is, first of all, sexual semantics. Lighting a wedding fire is mainly associated with the ritual of the awakening (buzhenie) of the young married couple and the ritual search for little sheep (“yarka”), and in some cases they are one complex action. In general, on the territory of the Ulyanovsk Region, bonfire lighting was active throughout the twentieth century. Informants born at the turn of the nineteenth-twentieth centuries, in the 1920s–1930s and even in the 1940s–1950s, describe this tradition as a living one, and the most recent testimony of a bonfire at a wedding is from 2003.*

Key words: *Russian folk wedding, fire, ceremony, laughter, semantics, pragmatics, typology.*

Acknowledgments. The research was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. 34.6993.2017/BCh.

Received: June 27, 2019.

Date of publication: November 25, 2020.

For citation: Matlin M. G. Fire in Traditional Russian Weddings in the Ulyanovsk Volga Region. *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 4. Pp. 103–111. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.4.008>

References

Belova O. V., Uzeneva E. S. (2004) Ogon' [Fire]. In: *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 3. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Pp. 513–519. In Russian.

Gura A. V. (2012) Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: Semantika i simbolika [Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism]. Moscow: Indrik. In Russian.

Zazykin V. I. (2007) O prirode smekha: Po materialam russkogo eroticheskogo fol'klora [On the Nature of Laughter: Based on the Materials of Russian Erotic Folklore]. Moscow: Ladimir. In Russian.

Zorin N. V. (1981) Russkaya svad'ba v Srednem Povolzh'e [The Russian Wedding in the Middle Volga Region]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. In Russian.

© M. G. Matlin, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail G. Matlin <https://orcid.org/0000-0003-0748-1081>

E-mail: matlin@mail.ru

Tel.: +7 (8422) 44-19-09

4/5, Lenin square, Ulyanovsk, 432071, Russian Federation

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Literature and Journalism, I. N. Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)